

Тезисы В.Л.Иноземцева для обсуждения на заседании Совета по внешней и оборонной политике при участии Центра исследований постиндустриального общества и Института внешней и оборонной политики. (Заседание состоится в пятницу 21 ноября с.г., с 16:00 до 19:00 час. в помещении Фонда "Российский общественно-политический центр" по адресу Лучников переулок, д. 4.) По результатам обсуждения предполагается сформировать рабочую группу для доработки доклада с учетом замечаний, высказанных в ходе обсуждения.

НЕСКОЛЬКО ГИПОТЕЗ О МИРОВОМ ПОРЯДКЕ XXI ВЕКА

Владислав ИНОЗЕМЦЕВ*

Сложившийся мировой порядок еще недавно казался стабильным и прочным. Но события последних пяти лет – война в Югославии, атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон, «зачистка» Афганистана и свержение режима Саддама Хусейна с последовавшей оккупацией Ирака – зримо опровергают эту иллюзию. Кризис системы международных отношений вполне очевиден. Из него, как из любой кризисной ситуации, имеются два выхода: восстановление в несколько видоизмененной форме прежнего порядка или осмысленное формирование нового. На первом направлении предпринимаются не всегда конструктивные, но в целом достаточно активные усилия ряда государств, международных организаций и неправительственных структур. На втором направлении не заметно никакого движения. Не в последнюю очередь это объясняется наличием множества стереотипов, возведенных в ранг базовых принципов международной политики. Без их пересмотра строительство мирового порядка XXI века вряд ли возможно.

355 лет назад, 24 октября 1648 г. император Священной Римской империи Фердинанд III вынужден был поставить свою подпись под договором, который вошел в историю под названием Вестфальского мира. Этот договор утверждал приоритет светской власти над духовной и невмешательство одного суверенного государства в дела других. Считается, что он положил начало современной системе международных отношений, причем попытки пересмотра концепции суверенитета вызывают в большинстве государств крайне негативную реакцию.

Но что представляла собой идея суверенитета в ее вестфальском варианте? Лишив реального влияния Священную Римскую империю, император которой считался *primus inter pares* по отношению к властителям составлявших ее княжеств, новая система создала сообщество монархов, полагавших себя *nec pluri-bus impar*. Идея суверенитета предполагала равенство подданных, но лишь в подчинении суверену. И, разумеется, она не предполагала никакой власти сообщества правителей над кем-либо из них самих. Установив мир в Европе, Вестфальский договор интенсифицировал конфликты за ее пределами. Вестфальский суверенитет, таким образом, во-первых, провозглашал безграничную власть суверена над своими подданными, но, во-вторых, был четко ограничен пределами Европы.

Многое изменилось более чем за три с половиной века. Большинство европейских государств превратилось в конституционные монархии или демократические республики; их колониальные владения стали независимыми государствами. Были кодифицированы права человека, провозглашен принцип их защиты и осуждены все, кто обвинялся в преступлениях против человечности. Начала свою деятельность Организация Объединенных наций, призванная способствовать укреплению мира во всем мире. Принцип суверенитета, однако, оставался незыблемым, и ничто не может удержать нас от вопроса: насколько состоятелен он в начале XXI века и в какой мере применим в сегодняшней практике?

Сегодня *источником суверенитета объявлен народ*, в чем заключена, как ни кощунственно это звучит, *первая проблема* суверенитета, ибо народовластие предполагает демократию, демократия – индивидуальность, а индивидуальность – разнообразие; доктрина же суверенитета изначально создавалась с целью подавления индивидуальности и сокращения разнообразия. Более того; когда формула «государство – это я» была наполнена реальным содержанием, не возникало и актуального сегодня вопроса, облечены ли руководители государства доверием *всего* своего народа, не говоря уже о том, оправдывают ли они это доверие.

Суверенитет в исконном его значении предоставлял суверену власть над его подданными, отношения между которыми и между ними и сувереном регулировались в худшем случае низменными страстями, в лучшем – законами, временами – кодексом чести, но никогда – представлениями о правах человека. Принцип суверенитета *не предполагал человека как такового*; он делил людей на *подданных некоего суверена и всех прочих*, не подпадающих под его власть. В этом заключена *вторая проблема* суверенитета, так как нарушение не вполне ясных «прав» подданных какого бы то ни было суверена никогда и нигде не считалось основанием для ограничения его власти.

Иноземцев Владислав Леонидович – доктор экономических наук, научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, главный редактор журнала *Свободная мысль–XXI*, председатель научно-консультативного совета журнала *Россия в глобальной политике*.

Суверенитет отнюдь не предполагал демократии, хотя по мере формирования национальных государств и развития в них демократических традиций эти институты стали взаимно дополнять друг друга. Однако демократия основана на решениях индивидуумов, а не народов; большинства, которое подвижно, а не задано заранее. Сегодня же население 96 стран, формально составляющих большинство в ООН, не достигает и 300 млн. человек (5 % населения планеты). Население 9 государств, составлявших квалифицированное большинство в Совете Безопасности в 2002 г., не превышало 92 млн. человек, или 1,5 % человечества. Великобритания и Франция, представляя лишь по 57 млн. человек, могли наложить вето на любое решение. Но даже если бы решение (например, о нападении на Ирак) было принято единогласно всеми членами Совета Безопасности, это создало бы прецедент тупика, поскольку подобная резолюция обязала бы всех членов ООН нарушить ст. 15 ее Устава, запрещающую превентивное применение силы против суверенного государства.

Таким образом, *если международное сообщество признает принцип суверенитета в его традиционном виде*, необходимо лишь заключение договора о коллективной безопасности, открытого для подписания всеми потенциальными участниками. В этом случае не требовалось бы никакой резолюции для создания коалиции, силы которой освободили Кувейт (если бы он был на тот момент одной из сторон договора) от Ирака, как это было сделано в 1991 г. Однако подобный договор не мог бы стать основанием ни для международной операции в Афганистане в 2001 г., ни для вторжения в Ирак в 2003-м. *Если же международное сообщество признает своей целью защиту прав человека*, то принцип суверенитета нужно объявить утратившим свою силу, и не только четко определить, *какие нарушения прав человека легитимизируют вмешательство в дела суверенного государства*, но и, что гораздо более проблематично, указать на *условия, при которых государство вообще лишается суверенного статуса*. Какие перспективы имеет каждый вариант?

Если принцип суверенитета признается незыблемым, то инициативная группа государств подписывает между собой договор о коллективной безопасности; логично предположить, что среди его первых подписантов должны оказаться все страны, заявляющие о наличии у них ядерного оружия. В нынешних условиях вероятность одобрения подобного договора представляется весьма высокой. Стороны вырабатывают процедуру введения Договора в действие и создают центральное командование контингентом сил быстрого реагирования, на паритетной основе составленным из военнослужащих всех стран-участниц. Части контингента располагаются на минимальном удалении от потенциально опасных регионов. Все участники договора имеют равные права. Силы контингента приводятся в действие его главным командованием после документального подтверждения акта агрессии в отношении одного из участников договора. Если этих сил оказывается недостаточно для отражения агрессии, союзники мобилизуют дополнительные средства. Реализация такого подхода была бы большим шагом вперед в деле укрепления доверия между наиболее влиятельными странами мира, но она означала бы создание исключительно оборонительного альянса, не способного реагировать ни на тараны американскими самолетами американских небоскребов, ни на гражданские войны и этнические чистки даже в самих странах-участницах.

Если предпочтение отдается защите прав человека, то защитниками таких прав, по определению, не могут быть те страны, где они нарушаются. Следовательно, сообщество государств, прокламирующее эту цель, не может включать в себя все нации и народы, а членство в нем не может быть постоянным. В результате мир оказался бы разделен на три лагеря: государства, приверженные правам человека; явные государства-изгои (если воспользоваться принятой сегодня терминологией); государства, потерпевшие неудачу в обеспечении прав человека. Задачей первых окажется полицейская функция применительно ко вторым и восстановительная по отношению к третьим. В этом случае сообщество развитых стран в известном смысле воспроизведет имперские порядки прошлых времен и получит как свои зоны ответственности в отношении государств-изгоев, так и права протектора-колонизатора в отношении «развивающихся» государств. Тем самым, по сути, была бы воссоздана практика мандатов Лиги наций на управление отдельными территориями. Реализация такого подхода снизила бы угрозу агрессии со стороны стран-изгоев, позволила бы гораздо более эффективно бороться с международным терроризмом и, возможно, отдалила бы перспективы гуманитарной катастрофы, нависшей над наиболее бедными регионами мира. При этом, однако, получили бы новые импульсы экстремистские движения, и без того эксплуатирующие идею гегемонизма и империализма наиболее развитых стран.

К сожалению, невозможно ответить на вопрос о реализуемости ни одного, ни другого подхода к созданию нового мирового *порядка*. Но можно утверждать, что сегодня мы имеем дело со всемирным *беспорядком*, в нарастание которого вносят свой вклад почти все члены организованного международного сообщества, не говоря уже о нелегитимных движениях и организациях.

Мир скатывается к хаосу. И виноваты в этом не племенные вожди, вырезающие своих противников в Руанде, и не моджахеды, ныне мирно выращивающие опий в Афганистане. В этом прежде всего виноваты те, кто признал суверенными членами международного сообщества страны, не имевшие для обретения этого статуса никаких оснований; те, кто придумал для других сказки о демократическом мировом порядке, а затем поверил в них сам; те, кто считает, что в мире осталось еще много стран, не заслуживающих тех правительств, которые они имеют.

Эпоха модернити началась тогда, когда великие европейские государства установили системный порядок взаимоотношений друг с другом на принципах суверенитета. На протяжении более чем трех столетий доктрина суверенитета позволяла поддерживать баланс сил между великими державами, ни одна из которых, заметим, не была демократической в современном понимании этого слова. После Второй мировой войны в системе международных отношений произошли две радикальных перемены. Во-первых, подавляющее большинство европейских стран твердо высказалось за демократию и последовательно придерживается этого выбора. Во-вторых, множество территорий, никогда не обладавших чертами национальных государств, провозгласили себя суверенными. Это породило два следствия. С одной стороны, оказалось, что развитие демократии в Европе *открывает путь к расширению сотрудничества европейских стран и к фактическому отказу от элементов суверенитета, к становлению наднациональных политических институтов, неизвестных эпохе модернити*, к отрицанию никогда не существовавшей в международных отношениях «демократии» и поиску решений на основе консенсуса. С другой стороны, в остальном мире начался поиск форм «демократического» мирового порядка, идеалы которого были изложены в ООН развивающимися странами в начале 70-х годов. Даже опомнившись после этого, многие западные государства продолжили дипломатические игры с «суверенными» странами Юга. Создана целая система институтов – от миротворческих сил ООН до Международного валютного фонда, – выясняющих правовые основы вмешательства в конфликт в «суверенной» Либерии, где военная хунта, придя к власти через свержение законного правительства, контролирует лишь часть столицы, тогда как вся остальная территория государства охвачена гражданской войной; реструктурирующих долги «суверенной» Зимбабве, большая часть бюджета которой расхищается правящей бюрократией; или собирающих средства на восстановление «суверенного» Афганистана, чей президент под охраной американских морских пехотинцев иногда даже решается выехать из своей резиденции.

Каким же может быть выход из сложившейся ситуации? Наша главная надежда связана с экспериментом по введению наднационального управления, осуществляемым сегодня в Европе. Европейский Союз *не является в полной мере демократической политией. Он не защищает права человека, а обеспечивает права граждан.* Проблемы, возникающие в отношениях между его членами, решаются *консенсусом*, а не *большинством*. Европейцы не вмешиваются в дела остального мира, так как понимают, что не располагают ни принципами, ни алгоритмами такого вмешательства.

Многие современные проблемы не находят эффективного и справедливого решения. И они не находят его потому, что мало кто готов признаться самому себе и другим в том, что ситуация неуправляема. Часто говорят, что мир идет к хаосу. Не будем обманываться. Пункт назначения уже достигнут. Надо думать не о том, *как совершенствовать механизмы управления ситуацией*; надо думать о том, *как можно в принципе контролировать ее*. В конечном счете, на правильно поставленный вопрос всегда найдется адекватный ответ.

Неуправляемость в современном мире год от года становится все более очевидной проблемой. Наши рассуждения о суверенитете, демократии и правах человека могут способствовать анализу сложившейся ситуации, но вряд ли в состоянии объяснить предпосылки и закономерности ее формирования. Драматизация обостряющегося противостояния «периферии» и «центра» может успешно использоваться для привлечения внимания к данной проблеме, но в содержательном плане останется бессмысленной, *пока все-речь не будет поставлен вопрос о том, сколь несправедливо неравенство, существующее в современном мире, и пока на этот вопрос не будет дан строгий ответ.*

Деление мира на «центр» и «периферию» открыло эпоху модернити. Разделенность его на две эти части стала наиболее характерной чертой данной эпохи. Несмотря на масштабные экономические и технологические успехи, невзирая на быстрое развитие политических форм, Европа не могла претендовать на статус хозяйственного «центра» планеты ни в XVI-м, ни в XVII-м, ни даже в начале XVIII века. Согласно расчетам историков, к 1750 г. она *обеспечивала* менее четверти мирового валового продукта, что делало ее третьим после Китая и Индии хозяйственным полюсом. Но уже в XVI и XVII столетиях европейцы *считали* себя вершителями судеб мира, осознавая масштаб того потенциала, которым они обладали. И потому можно без преувеличения сказать, что «неравенство между людьми», рассматриваемое в международном аспекте, возникло вследствие ускоренного развития стран Европы и одновременной стагнации древних цивилизаций Азии, Африки и обеих Америк.

За относительно короткий срок европейцы установили контроль над значительной частью мира, колонизировав Америку и основав стратегические форпосты в Азии. В колониях сформировались особые общности завоевателей, и через одно, а тем более два или три столетия большинство людей имело там европейские, американские и даже африканские корни. Под мощным напором европейцев в Новом Свете быстро угасли традиционные религии и стали усваиваться ценности и порядки, принятые в Европе. Три века колонизации оказались достаточны для того, чтобы на рубеже XVIII и XIX столетий карта Америки покрывалась названиями новых государств, два из которых – США и Аргентина – имели к началу XX века экономику, первую и шестую в мире по своей мощи.

Начиная с середины XVIII столетия европейская экспансия активизировалась на азиатском направлении, с середины XIX-го – и на африканском. Но этот этап колонизации существенно отличался от предшествующего. Ни британцы, ни французы, ни голландцы или немцы не связывали свои судьбы с далекими владениями своих государств столь прочно, как испанцы и португальцы – с их прежними колониями. По сути, с конца XVIII века все *попытки сделать население колоний «европейским» были оставлены*, и усилия колонизаторов сосредоточились на *внедрении в сознание и быт коренного населения некоторых европейских ценностей и принципов*. Что же касается Африки, то здесь подобные задачи ограничились *приобщением местных племен и народов к производственным и технологическим достижениям европейцев*, да и оно редко оказывалось успешным.

Если сравнить исторические пути латиноамериканских, азиатских и африканских народов, можно заметить, что экономическая и политическая *состоятельность новых государств оказалась тем большей, чем глубже была вовлеченность европейцев в их историю*; и наоборот: *чем раньше они получали независимость и чем она была шире, тем более острые проблемы сопровождали экономическое и политическое развитие этих стран*. Тому есть весьма простые объяснения. Продолжительная европейская колонизация создавала квазиевропейские общества, которые развивались, в целом, «по европейским чертежам», и даже в своем протесте против власти метрополий местные элиты и население исходили из европейских принципов. Обретение каждой из таких стран политического суверенитета становилось *революцией, рождающей новые нации, новые порядки и новые идеи*. В тех же регионах, где европейское присутствие было недолгим, а исход европейцев – массовым и быстрым, политический суверенитет доставался народам *в лучшем случае вследствие неуправляемого бунта, а в худшем – становился не наградой за осмысленные усилия, а признанием полной неспособности к таковым*. Таким образом, «национально-освободительные» движения XIX и XX веков имели лишь самые поверхностные черты сходства.

На наш взгляд, пришло время признать, что нарастание неравенства между «центром» и «периферией» было предопределено с самого момента обретения независимости бывшими европейскими колониями. *Политическая организация* возникших суверенных «национальных государств» нередко копировала черты европейской, но в большинстве этих новых стран не существовало ни наций в точном смысле слова, ни предпосылок для развития демократических процессов. Произвольно проведенные европейцами границы сделали гражданами новых государств людей, принадлежавших к разным племенам, религиям и историческим традициям. Этнические, религиозные и культурные различия создавали стабильные большинство и меньшинство, в результате чего демократия, даже если она и декларировалась, быстро превращалась в инструмент доминирования одной части общества над другой. Насилие и диктатура стали привычными чертами периферийных сообществ. *Экономическая стратегия* новых независимых стран также была в чем-то похожа на европейскую, но и она оказалась тупиковой. Освободившиеся государства, как в прошлом страны «центра», инициировали ускоренное развитие национальной промышленности, но в последней трети XX века индустриализм перестал быть парадигмой развитого мира. Страны «периферии», следуя впечатляющему опыту западных экономик, попытались использовать преимущества узкой специализации, однако и это было ошибочным в условиях, когда «центр» перешел к стратегии самообеспечения практически по всем позициям, исключая лишь редкие виды природных ресурсов. Таким образом, *безвыходность ситуации порождалась неспособностью «развивающихся» стран применить полезные западные рецепты в политической сфере и усугублялась их приверженностью давно устаревшей западной экономической стратегии*.

Дополнительный драматизм придала ситуации специфика международных отношений в период подъема последней волны национально-освободительного движения. По мере того как все новые территории откалывались от европейских империй, они вовлекались во всемирное противостояние либерального Запада и коммунистического блока. И с одной, и с другой стороны с параноидальной настойчивостью выдвигались аргументы о влиянии «периферийных» стран на возможный исход этой исторической борьбы. В значительной мере это обостренное внешнее внимание, дополнявшееся признанием роли освободившихся государств в рамках ООН и других международных институтов, привело руководителей этих государств к неадекватной оценке своего значения и немало способствовало формированию авторитаризма в политике, равно как и распространению в экономической сфере коррупции и волонтаризма.

Результаты этих процессов выглядят ужасающе. Менее чем на 2 долл. в день вынуждены сегодня существовать 84,8 % населения Южной Азии и 74,7 % африканцев. Детская смертность в 40 наиболее бедных государствах планеты достигает 10,4 % (!), а средняя продолжительность жизни не превышает 45 лет и уверенно снижается, причем особенно быстро – в Африке.

Большинство современных «развивающихся» государств – банкроты. Объем внешнего долга 50 беднейших стран вырос за последние 40 лет в 7 раз, несмотря на масштабные списания обязательств и реструктуризации платежей. В 54 странах нынешние показатели ВВП на душу населения *ниже*, чем они были в 1986 г. При этом большинство развивающихся стран «развивается» неэффективно, пренебрегая побочными эффектами (например, экологическими), все более тяжелым грузом ложащимися на остальной мир.

Однако особенно впечатляют даже не хозяйственные, а политические «достижения» периферийных «суверенов». Лишь в каждый десятый из вооруженных конфликтов, происходивших в мире за 40 последних лет, были вовлечены страны «центра». В войнах между освободившимися странами или этнических конфликтах, не выходящих за границы одной из них, за 40 лет погибли более 16 млн. человек – практически столько же, сколько в Первой мировой войне. И это не были освободительные войны, развязанные во имя высоких идеалов. Это были войны правительств против собственного и сопредельных народов. Несмотря на острейшие проблемы, «развивающиеся» страны являются сегодня безусловными лидерами по удельному весу военных ассигнований в государственных расходах: в африканских государствах они колеблются от 4,2 до 27,4% всех расходов бюджета.

При этом, даже по официальной статистике ООН, лишь 29% направляемой в «третий» мир помощи непосредственно достигает местных бедняков, и главной причиной их обнищания оказывается обогащение местной верхушки. Пришло время взглянуть на всю эту картину, не обманываясь красивыми обещаниями теории «развития».

Как и мировой беспорядок, расколота цивилизация стала одним из определяющих признаков современной действительности. Столь устойчивые тенденции нельзя рассматривать как случайные. При этом раскол цивилизации усугубляется не без участия стран «центра», пусть даже в последнее время оно в большинстве случаев обосновывается самыми гуманными и благородными соображениями.

Осознавая свою ответственность за судьбы ранее угнетенных ими народов, западные правительства и международные организации вот уже несколько десятилетий разворачивают программы помощи «периферийным» странам. Однако, хотя преследуемые ими цели заслуживают уважения, получаемые результаты достойны, скорее, осуждения. Сегодня помощь наиболее бедным странам планеты составляет в среднем 5,7 % их ВВП, тогда как направляемые в их экономики инвестиции – 0,9 % ВВП. При этом все чаще представители стран-доноров подвергаются насилию и преследованиям. В средствах массовой информации ежедневно упоминаются американские солдаты, убитые в Ираке, но при этом почти никто не вспоминает о более чем ста (!) рабочих гуманитарных миссий и международных организаций, погибших за два года в Афганистане. Новые же инициативы западных стран по увеличению помощи все чаще сопровождаются требованиями «компенсировать» периферийным государствам ущерб, нанесенный им в прошлые столетия. Так, последствия европейской работорговли были в 1999 г. оценены правительственными экспертами стран Западной Африки в 780 трлн. долл. (!) – сумму, в 65 раз превышающую ВВП Соединенных Штатов, – а уж менее экзотические примеры подобных претензий можно перечислять практически бесконечно.

Таким образом, мы вновь приходим к вопросу: *справедливо ли существующее в современном мире неравенство?* И мы, в отличие от большинства социологов, склонны ответить на него утвердительно. **Нарастающий разрыв в благосостоянии стран «центра» и «периферии» порождается, с одной стороны, успехами постиндустриальных держав в производственной и технологической сферах, а с другой – безрассудными действиями правительств и народов «развивающихся» государств, причем последний фактор кажется нам гораздо более значимым, чем первый.**

На наш взгляд, большинство проблем «развивающихся» стран порождено отчасти ошибками их собственных правительств, а отчасти психологией паразитизма, сформированной у их народов. Единственный выход из такой ситуации мы видим в ужесточении позиций стран «центра» по отношению к «периферии». Сегодня лишь политика полного безразличия к «третьему» миру способна вывести его из нынешнего состояния, либо породив на «периферии» стремление исправить положение собственными силами на путях сотрудничества с Западом (что, как показывает пример успешных азиатских экономик, вполне реально), либо способствуя созреванию ситуации, в которой новая «колонизация» будет востребована самими народами того или иного региона.

Мы полагаем, что было бы правильно *назвать*, наконец, «периферию» периферией; *признать*, что большинство экономических и политических проблем развивающихся стран порождено их собственным руководством, а не тяжелым наследием колониального прошлого; *отказаться* от неэффективных программ помощи; и *переориентироваться* на развитие интеграционных процессов внутри «развитого» мира. События последних десятилетий отчетливо свидетельствуют, что ни помощь, ни вмешательство, ни экономическая кооперация не будут оценены до тех пор, пока они будут *предлагаться*, а не *испрашиваться*.

Если политические лидеры Запада хотят видеть мир XXI века более стабильным и справедливым, им следует обратиться к решению собственных проблем при подчеркнуто отстраненном отношении к остальному миру. Глобализация была и останется объективным процессом, но сегодня она идет слишком быстро и иницируется лишь одной частью человечества, которая уже сейчас начинает ощущать ее негативные последствия, способные стать еще более серьезными. Надо удовлетворить требования «антиглобалистов»; единственным следствием этого окажется то, что через несколько десятилетий «развивающиеся» страны сами возжелают глобализации, условия которой будут продиктованы им предельно жестко. И только тогда возникнут предпосылки преодоления современного цивилизационного раскола.

С позиций западного мира, XXI век наступил под знаком торжествующей глобализации. Сама же глобализация трактуется обычно как активизация торговых, финансовых, информационных и культурных взаимодействий, в первую очередь обусловленных *экономическими* причинами. Уважение принципов суверенитета, преклонение перед демократией и утверждение невмешательства в дела других стран отрицают политически заданную глобализацию образца конца XIX века. При этом предполагается, что результатом ныне развивающихся процессов станет единение человечества, усвоение людьми универсальных ценностей, преодоление взаимного неприятия и, как следствие, – улучшение управляемости и усиление предсказуемости в общемировом масштабе. Явное несоответствие подобных теоретических прогнозов реальному ходу событий и порождает заметные ныне неуверенность и смятение.

Предполагается, что *экономическая* глобализация способна привести к формированию *единого и предсказуемого* мира. На чем основывается это предположение? По сути, на одном лишь утверждении, что реализация экономических интересов всегда требует ненасильственного взаимодействия между *людьми*, организованного вокруг универсальных принципов обмена деятельностью и товарами. Интересы сближают людей, понятные всем принципы делают их действия предсказуемыми. Но эти аксиомы верны лишь для абстрактного «экономического человека» Адама Смита. Субъектами же экономических интересов, стоящих за нынешней глобализацией, выступают не люди, а *корпорации*, – и это меняет все.

Современная корпорация – это не структурированное полугосударственное образование, а сеть, управляемая экономическими целями. Цели эти предполагают *эффективное использование существующих в мире различий*, а вовсе не *утверждение всемирного единства и солидарности*. Эти же цели требуют рыночного поведения, то есть *максимальной гибкости и быстроты реакции*, что никак *не сочетается с предсказуемостью и управляемостью*. Мы уже не говорим о том, что, опутывая все новые и новые страны, корпоративные сети лишь воздвигают дополнительные разделительные линии между живущими там людьми. Так можно ли считать такие процессы средством утверждения единства современного мира и повышения его стабильности?!

Более того. Объективные закономерности, управляющие экономическим развитием, диктуют необходимость смены менее эффективных форм – хозяйственных и политических – более эффективными. Принцип эффективности, почерпнем, принесен в мир именно современной его «экономизацией». И если некоторая форма доказывает свою эффективность, нужно быть в лучшем случае предельно наивным, чтобы не предсказать попыток ее копирования. Поэтому неудивительно, что в эпоху расцвета западных индустриальных монополий возникли картели ресурсодобывающих стран, что на период расцвета сетевой корпорации пришлось появление глобальных сетей торговли оружием и наркотиками, как – *sic!* – удивительно и то, что объединенные маниакальными идеями узкие террористические группы заявили о себе практически в то же время, что и пресловутые узкоспециализированные венчурные «.com’ы». И если западные политики хотят и впредь рассуждать о «темных» силах нашего мира, то пусть помнят, что даже луна освещает темную часть земли отраженным светом солнца.

Вывод очевиден: прогнозы хода экономически обусловленной глобализации были изначально ошибочными, а полученные в результате фрагментарность и неуправляемость мира, равно как и растущая неспособность структурированных государственных структур контролировать сетевые частные структуры – вполне прогнозируемыми.

Масштаб этой проблемы не оценен по сей день, что видно из политического курса западных стран, в первую очередь – США. Политика Соединенных Штатов выглядит сегодня предельно лукавой. Американские лидеры признают принцип суверенитета, но находят казуистические поводы для его нарушений. Они проповедуют универсализм, но все чаще следуют стратегии односторонних действий. Они провозглашают приверженность экономическим свободам, но не гнушаются не только таможенными барьерами вокруг собственной территории, но и произвольно накладываемыми на другие страны экономическими санкциями. Они не видят ничего противоестественного в том, что США находятся в центре всех финансовых потоков современного мира, но при этом никак не могут свыкнуться с тем, что Америка становится сегодня основной мишенью для движений экстремистского и террористического толка. И самое примечательное – американские политики, похоже, искренне удивляются, что *их государственные структуры вчистую проигрывают террористическим сетям*, но считают при этом совершенно естественной легкость, с которой *их корпоративные сети опутывают экономические структуры стран «периферии»*.

Современный нам мир еще не стал единым и комплексным. Но его элементы уже перестали быть разрозненными и не связанными друг с другом. Сегодня нельзя предпринимать тех или иных действий, не ожидая ответной реакции. *Мир XXI века – это не глобальный, а взаимозависимый мир*, и именно на этом может и должна быть основана современная стратегия достижения геополитической стабильности.

На наш взгляд, оптимальную стратегию, которой мог бы придерживаться западный мир в наступившем столетии, следовало бы основывать *на понимании современных реалий как определяемых принципами взаимозависимости, а не глобальности*. Представляется разумным сократить масштабы сетей, управ-

ляемых из основных стран Запада, но в то же время отказаться и от излишней структурной заданности самих этих государств. Говоря иными словами, следовало бы сузить зоны влияния (и ответственности) вне границ западной цивилизации и углубить взаимодействие (и взаимопонимание) внутри этих границ. В таком случае, *с одной стороны*, объективно снизится актуальность различий между «центром» и «периферией», излишний акцент на которых нередко служит примитивизации взглядов на общемировые проблемы, и обострится внимание к далеко не столь явным различиям между странами «центра», что послужит укреплению подорванного эвристического потенциала политологии. *С другой же стороны*, при таком подходе четко определится круг стран, в пределах которого только и может быть создана та система глобальной взаимозависимости, которая впоследствии, возможно, распространится и на периферийные страны.

Какие страны могут претендовать на то, чтобы составить гипотетический «центр» нового мирового порядка? Разумеется, это, прежде всего, Соединенные Штаты, страны Европейского Союза и Япония. Вполне вероятно, что к ним присоединятся Россия, а также Канада, Австралия и Новая Зеландия – эти, по удачному выражению Э.Мэддисона, «боковые ветви Запада». Новообразованный альянс стал бы безусловным мировым лидером в экономической, технологической и военной областях, средоточием наиболее высокообразованного и материально обеспеченного населения.

Реальное объединение стран «центра» постепенно изменит всю мировую конфигурацию, так как «однополярный» мир, о котором так много говорится, станет, наконец, реальностью. Если наиболее мощным и развитым странам удастся создать действующие на основе принятых ими принципов институты – международный суд по уголовным преступлениям и преступлениям против человечества, международное агентство по контролю за ядерным и химическим оружием, международную службу по борьбе с производством и оборотом наркотических средств и т.д., – эти коллективные институты даже не столкнутся с проблемой легитимности, поскольку за ними будет стоять сила, равной которой не знала история. Более того. Важнейшим средством обеспечения международной стабильности станут гарантии безопасности, которые могут быть предоставлены этим сообществом странам и государствам, обнаруживающим свою приверженность заявленным «центром» идеалам (например, отказавшимся от своих ядерных или химических arsenалов). Все это, однако, не означает, что новый «северный альянс» выступит инициатором преобразования остального мира: напротив, его задачей станет «поддержание дистанции» между «центром» и «периферией», жесткая защита своих экономических интересов, безопасности, свобод и образа жизни граждан, а также мониторинг «периферии» и принятие на его основе решений об установлении тех или иных отношений с отдельными ее государствами. Следует признать, что *лидером в большинстве этих направлений неизбежно окажутся Соединенные Штаты*.

Возможно ли создание подобного «центра»? По целому ряду причин его можно считать вполне вероятным. Большинство названных стран исторически теснее связаны между собой, чем с любым из государств мировой «периферии». Многие из них (в первую очередь США и Западная Европа, США и Австралия и Новая Зеландия) долгое время состоят в военно-политических союзах друг с другом. Россия активно вовлечена сегодня в объявленную Америкой «войну с терроризмом» и демонстрирует все большую приверженность западным ценностям. Для Японии, утрачивающей в силу возвышения Китая статус наиболее мощной региональной державы Азии, членство в таком альянсе также представлялось бы желательным. Дополнительные основания для формирования союза можно усматривать в усилении в странах «центра» опасений агрессии со стороны «периферии», что неизбежно сплачивает его потенциальных участников.

Не менее существенно, что создание альянса стран «центра» со всей очевидностью указало бы на то, что ни одна из них пока еще не достойна статуса «двигателя глобализации». Достаточно будет обратить внимание на фундаментальные отличия их собственных политических и юридических систем, на различную роль государства в экономической жизни, на ограничения в движении между ними товаров и капиталов, на несогласованность в оборонной политике и т.д., как станет ясной вся степень демагогичности нынешних глобализаторских призывов. Тем, кто пытается уже сегодня учить мир глобализму, потребуются десятилетия, чтобы полностью отменить таможенные ограничения, ввести регулируемые из единого центра валютные курсы, согласовать технологическое и патентное право, либерализовать миграционный режим, принять единый кодекс нормативов по охране окружающей среды и выработать согласованную политику в области социального обеспечения и социальной защиты граждан. Решение этой задачи будет, безусловно, трудным, но только в ходе поиска этого решения могут быть найдены алгоритмы глобализации, эффективные применительно и к остальному миру, которому тем самым будут продемонстрированы и открываемые такой глобализацией преимущества. Очевидным лидером в этой сфере окажется *Европейский Союз, имеющий большой позитивный опыт «локальной глобализации»*.

Множество острых проблем современного развития можно решить лишь посредством коллективных усилий, и ответы на многие вызовы времени можно найти только на основе консенсуса. Однако характерной чертой последних десятилетий является ускоряющийся рост культурного, политического и даже хозяйственного сепаратизма. Веками складывавшиеся сообщества раскалываются идеологией мультикультурализма. Основанные на продолжительных традициях сотрудничества и скрепленные общими интереса-

ми союзы и альянсы уступают место мимолетным необязательным коалициям, состав которых трудно будет вспомнить уже через несколько лет после их образования. Устойчивые хозяйственные связи практически без колебаний приносятся в жертву сиюминутным интересам финансовых спекулянтов. И именно от того, удастся ли в ближайшие годы добиться преодоления этих и подобных тенденций, в определяющей мере зависит, сможет ли наступившее столетие стать веком мира и прогресса.

Разумеется, многое в этих тезисах может показаться утопическим. Но, предлагая свой сценарий мирового развития, мы хотим не столько даже представить его как более или менее вероятный прогноз, сколько по-новому высветить существующие проблемы и приоритеты. Мы хотим подчеркнуть, что нынешние государственные структуры не могут и не смогут взять верх в противостоянии с сетями – вне зависимости от того, будут последние корпоративными, криминальными или террористическими. Мы хотим обратить внимание на то, что сформировавшиеся в условиях полувекового противостояния двух сверхдержав периферийные режимы не изменят своей политической «философии» до тех пор, пока не убедятся, что время спекуляции на разногласиях между странами «центра» безвозвратно ушло. Мы хотим отметить неестественный характер ситуации, в которой развитые страны стремятся учить остальной мир основам глобального взаимодействия и продолжать торговые войны друг с другом, будучи неспособными достичь элементарных хозяйственных компромиссов.

Сегодня, как и прежде, разные страны и народы пытаются строить единый для всех мир, исходя из диаметрально противоположных принципов и предпочтений. Конечно, в условиях нынешнего технологического, экономического и даже культурного и интеллектуального разрыва между «центром» и «периферией» такое положение дел выглядит в какой-то мере естественным. Но на каждом новом витке исторической спирали становится все более очевидным, что искусственное ускорение эволюционного развития вряд ли может стать эффективным средством решения насущных проблем.

Обществоведы и политологи всегда скептически относились к аналогиям, взятым из области естествознания. Но трудно отделаться от впечатления, что предлагаемые развитыми странами методы «решения» стоящих перед человечеством проблем сродни использованию радиации в надежде инициировать некие «мутации», способные сделать большую часть человечества более восприимчивой к стремлениям и целям «просвещенного меньшинства». Конечно, радиоактивность представляет собой феномен естественный и универсальный, что может для кого-то служить достаточным обоснованием ее использования и в таких сомнительных целях. Но пытались ли мы когда-нибудь достичь тех же результатов, используя не менее универсальный, но гораздо более простой и понятный каждому человеку эффект – эффект *притяжения*?